СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА НА СЛУЖБЕ ОБОРОНЫ РОДИНЫ

Дьяченко М.И.

Впервые опубликовано в журнале «Вопросы психологии». 1985. № 3. С. 5-13

В 1985 г. советский народ, все прогрессивное человечество отмечают 40-летие великой Победы над злейшим своим врагом – германским фашизмом. Великая Отечественная война – это почти четыре года неимоверного труда, лишений, испытаний, самоотверженности и героизма советских людей в тылу и на фронте.

Выдающийся советский полководец М.В. Фрунзе еще в 20-е гг. предупреждал: «...современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом ...война потребует напряжения всех народных сил и средств ...война будет войной смертельной, войной не на жизнь, а на смерть, и ...поэтому к ней нужна всесторонняя, тщательная подготовка еще в мирное время» [4; 443].

Отдаляются события, предшествующие Великой Отечественной войне, и сама война. Но ее уроки, итоги, последствия, опыт сохраняют свое значение и в настоящее время как для Вооруженных Сил, так и для всего советского общества, его науки, литературы, всех видов искусства. Уроки минувшей войны, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», имеют непреходящую ценность.

Поучительным и важным в научно-теоретическом и прикладном отношении для современного развития советской психологии является опыт работы наших психологов в годы Великой Отечественной войны.

О судьбах советских психологов в годы войны, о том, как они выполняли свой патриотический долг на фронтах с оружием в руках и в тылу, а также о результатах исследований по оборонной тематике конкретно и достаточно полно говорится в замечательных статьях А.А. Смирнова, опубликованных в 1975 г. журналом «Вопросы психологии» (№ 2 и 4). В данной статье речь пойдет главным образом о развитии военной психологии как особой отрасли советской психологической науки, о военно-психологическом содержании научных и прикладных исследований, проведенных в годы минувшей войны, а также о некоторых психологах, которые под влиянием боевого опыта продолжили или включились в разработку военной психологии после войны. И здесь дело не только в том, что в свете сравнительно недавнего прошлого военной психологии можно вернее оценить ее настоящее состояние и предвидеть будущее развитие. Нельзя не учитывать и выводов, к которым пришли наши науковеды: «смена научных концепций происходит не простым снятием, отменой одних взглядов другими и утверждением других, а путем выработки взглядов более общих, точнее и полнее отражающих богатство реального мира» [6; 53] и «чем выше преемственность, тем быстрее ход развития данной отрасли науки» [6; 54]. Эти положения целиком относятся к развитию советской военной психологии.

Советская военная психология зародилась и начала продуктивно развиваться уже в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Многие военные психологи стремились укрепить Красную Армию и утвердить идеалы социализма посредством своих научных разработок. Начиная с 1918 по 1930 г. было опубликовано много работ по военной психологии, в том числе и монографических (см. о них [7]). В печати обсуждались вопросы о предмете, задачах военной психологии, ее месте в военной доктрине, роли в воспитании и обучении воинов, в укреплении дисциплины, в борьбе со страхом, отдельные труды посвящались поведению в бою, профессиональному отбору. Большое внимание уделялось тогда военно-социальной психологии и применению психологии к тактике[1].

Военно-психологические знания накапливались и включались в работы по боевой подготовке, воинскому воспитанию и политработе и в 30-е гг., хотя в несколько меньшем количестве. Авторы многих статей по этим вопросам отмечали особенности деятельности командира и политработника в бою, необходимость воспитания в боевой обстановке, в ходе боя, показывали роль личного примера. Так, например, Красильников в статье «Некоторые вопросы партийно-политической работы на современном этапе» говорит об условиях устойчивости солдата в бою, подчеркивает роль ясного осознания целей вооруженной борьбы и классового сознания как основы поведения бойца в бою [22]. Рассматривались в статьях того времени и вопросы подготовки войск к бою, в них особое внимание обращалось на воспитание высоких морально-политических и боевых качеств.

В январе 1941 г., подводя итоги совещания и сборов высшего командного состава, нарком обороны СССР особо выделил роль военной психологии в воспитании военных кадров и укреплении морального состояния войск [10; 44]. После совещания были разработаны некоторые мероприятия по ускоренному развитию военной психологии, но реализовать их помешала начавшаяся 22 июня 1941 г. война – фашистская Германия напала на Советский Союз. Перед советскими психологами сразу же встали важнейшие задачи: помочь командирам и политработникам успешнее побуждать воинов к смелым и отважным боевым действиям, преодолевать неуверенность, страх, укреплять дисциплину, боевой дух, воспитывать мужество, презрение к смерти; с первых дней войны актуальными стали вопросы маскировки, разведки, ускоренного обучения военных специалистов, восстановления психических функций, утраченных после ранения, и т.д.

Эти и другие научные и прикладные проблемы военной психологии успешно решались благодаря высокому уровню советской общей психологии, которая к середине 30-х гг. перестроилась на основе марксизма-ленинизма, усовершенствовала категориальный аппарат, принципы исследования. Были созданы теоретико-методологические предпосылки для творческого решения многих практических вопросов. Об исключительно высоком научном уровне советской общей психологии перед Великой Отечественной войной свидетельствуют как общие курсы [28], [26], так и многочисленные психофизиологические и другие исследования.

Изучая войну, бой, советские психологи исходили из признания социальной обусловленности личности, коллектива, единства сознания и деятельности, понимания психики как отражения действительности, функции мозга.

Исходя из этих положений был сделан вывод о том, что «через посредство деятельности субъекта его психика становится познаваема для других» [28; 17]. Стала очевидной ошибочность взгляда, согласно которому внутренний мир человека независим от среды, дан только ему и может быть познан лишь с помощью самонаблюдения. Советские психологи, учитывая ограниченность данных самонаблюдения, их уязвимость с точки зрения научной достоверности [26; 32], изучали психику людей в условиях войны, анализируя характер их действий, соотнося особенности боевой ситуации, стоящие задачи с поведением воинов, их индивидуальными качествами, степенью подготовленности. Конечно, использовались и словесные описания участников боев своего поведения и психического состояния в той или иной обстановке, при ведении наступательных или оборонительных боевых действий. Советские психологи показали еще до войны несостоятельность бихевиористской схемы «стимул – реакция» и анализировали влияние условий боя на воинов с учетом мотивов их поведения, психических состояний, опыта. Были преодолены в советской психологии и биологизаторские тенденции, и поэтому изучение боевых действий проводилось советскими психологами исходя из того, что они являются предметными действиями, в которых реализуются отношения к объективному миру, обществу, войне, окружающим людям. Эти отношения специфичны для человека, и их специфичность состоит в том, что по своей природе они носят общественный характер.

Сложившиеся до войны марксистские методологические позиции советских психологов позволили им не просто переносить верные общепсихологические положения на войну, бой, а вплетать их в ткань именно боевой деятельности, обобщать военный опыт и приходить к спе-

цифическим выводам, которые явились серьезным научным вкладом в развитие советской военной психологии в те годы. Проследим это на работах, посвященных героизму, мужеству, смелости, презрению к смерти, воле ([15], [17], [18], [27], [30], [34], [36]), а также противоположным явлениям – страху и панике [25], [35].

М.П. Феофанов [34] попытался проанализировать особую форму боевой деятельности – акт мужества. В статье отмечается сознательность мужественного поступка, а также подчеркнута роль в нем мыслительных процессов и воли. М.П. Феофанов выделяет особую роль самообладания в акте мужества. «Лишь при наличии твердого самообладания в условиях угрожающей опасности, – говорится в статье, – возможны ясная и точная ориентировка в обстановке, необходимая настойчивость...» [34; 64].

В статье М.М. Рубинштейна «Рождение героя» [27] ставится вопрос о мотивации боевого подвига. М.М. Рубинштейн указывает, что, совершая подвиг, человек подчиняет инстинкт самосохранения другим мотивам. Такими мотивами являются любовь к Родине, к народу, чувство долга, любовь к свободе и независимости, сознание целей борьбы, чувство товарищества.

Широко известное, высказанное В.И. Лениным положение о том, что «презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу» [2; 376], Н.Д. Левитов попытался психологически конкретизировать в статье «Презрение к смерти рождает героев, кует победу» [23; 191]. Он писал: «Презрение к смерти – это та сила бесстрашия, при которой инстинкт самосохранения уступает место готовности к самопожертвованию. Основание такого самопожертвования – советский патриотизм, подчинение себя, всей своей жизни высшим интересам родной страны». Первоначально эта статья была опубликована в «Красной звезде» 30 августа 1941 г. В другой своей статье «Воля и характер бойца» [17] Н.Д. Левитов на основе выявления психологических особенностей волевого действия в сложной обстановке показал, как методами убеждения, упражнения, примера, поощрения воспитывать у воинов смелость, стойкость, мужество, дисциплинированность.

Глубокую и интересную статью написал в 1943 г. подполковник Е. Ситковский [30]. Он пытался наметить пути и методы воспитания бесстрашия и презрения к смерти. Убедительно подчеркивалось в статье значение идейной закалки, преданности Родине, ненависти к врагу, чувства долга, готовности к самопожертвованию. Заслуживают внимания советы Ситковского командирам и политработникам, проводящим партийно-политическую работу в боевой обстановке. Так, он писал: «Работа, боевая деятельность, выполнение боевой задачи – самое лучшее средство против страха на войне» [30; 19].

В статьях И.А. Каирова [11] и С.Х. Чавдарова [36] дается разбор стадий развития переживаний в мужественном поступке и показываются такие его основы, как сильная воля, твердые убеждения, сознание своей правоты, чувство собственного достоинства.

Н.А. Коновалов в статье «Роль эмоций в боевом действии, воинская доблесть» [14], написанной на основе изучения опыта боевых действий советских воинов, отмечает, что главное в бою – это знания, рассудительность, но важную роль в нем играют и эмоции. Одни эмоции, например печаль, тревога, тоска, подчеркивает Н.А. Коновалов, являются тягостными, угнетающими, вызывают увеличенный расход нервной энергии, другие – радостное возбуждение, веселье, – наоборот, означают общий подъем, являются стеническими, усиливают готовность к действию. Такая эмоция, как ярость, увеличивает силу и энергию человека. Сильное эмоциональное возбуждение в критический момент помогает человеку проявить удивительный подъем всех сил. Н.А. Коновалов обращает внимание на то, что эмоции – составная часть личности, они испытывают влияние сознания и разума. Поведение человека определяется не столько его эмоциями, сколько социальными установками, его сознанием, социальной и моральной направленностью. Эмоции в бою могут быть стихийной силой, действующей в союзе с инстинктом, или же явиться великой моральной силой, с помощью которой достигаются высокие цели – защита своего народа и своего отечества. Эмоциональный подъем, выразительно и точно называемый «духом народа», «духом армии», является, по Н.А. Коновалову, длительным состоянием, на основе которого формируется ценнейшее качество армии – доблесть.

Содержание указанных статей и исследований, посвященных героизму, свидетельствует о том, что сущность героических поступков советских воинов определяется не непосредственными условиями, в которых они совершаются. Готовность и способность наших воинов к индивидуальным и коллективным героическим поступкам являются не прирожденными, не какими-то таинственными по своему происхождению, они имеют социальную природу и формируются в процессе жизни, учебы, труда в условиях советского общества и Советской Армии. Это положение вытекает и из исследований грузинских психологов, проведенных ими с позиции установки (подробнее об этих исследованиях см. [31]).

Как и в специальных психологических работах, так и особенно в статьях командиров и политработников о смелости, мужестве, дисциплине подчеркивалось большое значение партийно-политической работы перед боем, в бою и после боя для организации, мобилизации и воодушевления воинов на самоотверженное выполнение боевых задач, для развития и формирования идейных мотивов поведения и морально-боевых качеств.

В ходе войны наращивались нравственные силы наших бойцов, крепло их чувство превосходства над немецкими захватчиками, все нагляднее подтверждалось положение В.И. Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [1; 121].

Командиры и политработники в своей работе с людьми в годы войны учитывали, что героически выполнить сложную боевую задачу может лишь хорошо подготовленный к боевым действиям воин. Они руководствовались глубоким психологическим обобщением, которое сделал М.И. Калинин: «Тот или другой конкретный факт геройства, стечение обстоятельств, при которых геройство проявляется, – они нередко случайны. Но люди, которые совершили героические дела, могли использовать эти случайные стечения обстоятельств потому, что физически, психологически, морально и политически они были подготовлены к проявлению героизма» [3; 682].

Рассмотрим содержание исследований, посвященных страху и панике. Наиболее значительной научной работой, посвященной психологии страха и паники, является диссертация Г.А. Фортунатова (1942). В ней охарактеризованы различные ступени страха, выявлены противодействующие страху силы, показаны виды бесстрашия. В исследовании доказывается, что бесстрашие означает не отсутствие страха, а его успешное преодоление. Рассмотрены паника и меры борьбы с ней.

Исследование А.С. Прангвишвили [25] выявляет природу таких явлений, как страх и паника. Психологическую сущность панического состояния в свете понятия установки А.С. Прангишвили видит в реакции индивида на распад объединения людей в ситуации опасности [25; 275]. Главные причины паники, по Прангишвили, не в психическом заражении, внушаемости и т.п., а в нарушении боевой спайки, понижении уровня мотивации поведения людей, ослаблении социально-психологической устойчивости коллектива.

Эти научные данные и боевой опыт подсказывали командирам и политработникам, что страх и паника в боевой обстановке предупреждается поддержанием крепкой дисциплины, бдительности, постоянной готовности людей к бою, непрерывным, твердым и целеустремленным руководством ими, систематической партийно-политической работой, правильной расстановкой боевого актива, личным примером мужества.

В психологических исследованиях, а также в различных публикациях (см., например: Партийно-политическая работа в бою. – Хабаровск, 1941; Воинское воспитание: Сб. ст. Вып. 1-2. М., 1943), авторы которых на основе осмысливания боевой практики приходили к определенным психологическим обобщениям в отношении противоположных героизму явлений, показывалось, что для активного и самоотверженного ведения боевых действий воинами решающее значение имеют сознательное отношение их к войне, идейная убежденность, понимание необходимости личного участия в боях, любовь к Родине, ненависть к ее врагам, чувство долга, смелость, храбрость, мужество, дисциплинированность, боевое мастерство, а также ор-

ганизаторские способности командиров, боевой дух и сплоченность коллективов подразделений, партийно-политическая работа, психологическая и морально-политическая подготовка к каждому бою.

Практика войны в разные ее периоды порождала (и возрождала) лозунги, которые благодаря партийно-политической работе становились мотивационными установками стойкого, смелого, героического поведения личного состава: «Смерть фашистским захватчикам!», «Воюют не числом, а умением!», «Стоять насмерть!», «Велика Россия, а отступать больше некуда – позади Москва!», «За Волгой для нас – земли нет!», «От дисциплины до геройства один шаг!», «Кто смел, тот цел!», «Вперед на Запад!», «Дойдем и до Берлина!», «Добьем врага в его собственной берлоге!»

Опыт войны для части психологов сказался на их последующей в мирное время научной и педагогической работе. Так. Т.Г. Егоров, став после войны начальником кафедры общей и военной психологии, развернул исследования по вопросам боевой подготовки, а затем обобщил их в своей книге «Психология» [9]. Г.Д. Луков служил в годы войны в разных частях рядовым, старшиной, офицером. С 1947 г. преподавал (после Б.Г. Ананьева) военную психологию в одном из военных учебных заведений Ленинграда. Итоги его работы как военного психолога представлены в книге [20]. К.К. Платонов в годы войны исследовал летную деятельность. После войны написал книгу [24], опубликовал ряд статей по важным вопросам военной психологии.

В годы войны для нашей пропаганды и контрпропаганды необходимо было разоблачить психологическую защиту и поддержку идеологии германского фашизма со стороны ряда психологов Германии. Некоторые немецкие психологи пытались обслужить интересы фашизма и оправдать его дикие замыслы. Так, психолог Э. Иенш, провозглашенный «фюрером немецкой психологии», сделав психологию отраслью «расоведения», с помощью псевдонаучных методов обосновывал вывод о том, что действия человека, его поведение и разум определяются врожденными инстинктами, слепыми влечениями, мистической властью крови. Он стремился доказать превосходство арийской крови и нордической расы над всеми другими расами, прежде всего над славянами. Советские психологи в ряде публикаций подвергли уничтожающей критике фашизм, его идеологию и психологию, показали научную несостоятельность и реакционность утверждений немецких психологов [5], [29], [32], [37]. Эти публикации помогли советской пропаганде конкретнее представить в своих выступлениях фашистскую идеологию и действеннее апеллировать к психологии немецкого народа, а также к психологии солдат, показывать неизбежность разгрома фашизма.

Большой вклад в развитие военной психологии в годы минувшей войны внес Б.М. Теплов. В его статье об уме и воле военачальника, опубликованной в военной печати, а впоследствии в полном издании исследования мышления полководца на военно-историческом материале [33] анализируется соотношение и связь теоретического и практического мышления в деятельности полководца, а также проявление его воли. Б.М. Теплов указывает на возможное повышение психологических сил, возникновение эмоции боевого возбуждения и обострение умственной деятельности в атмосфере опасности. Глубоко вскрывает Б.М. Теплов психологическую природу решения задачи полководцем, характеризует функции анализа, синтеза, превращения сложного в простое, выделение существенного, сочетания смелости и осторожности, знания противника, проникновения в его замыслы. Представляют интерес выводы Б.М. Теплова о роли планирования в деятельности полководца, о путях выработки плана сражения, о гибкости планов на войне и в то же время упорства и твердости в проведении их в жизнь. Раскрывая суть интуиции и условия быстроты нахождения правильного решения, Б.М. Теплов показывает значение большого запаса и готовности знаний, разносторонности культуры, высокого развития пространственных представлений, чувства местности и времени.

В своем исследовании Б.М. Теплов поставил и творчески разрешил на историческом материале проблему ума и воли полководца, особенностей его деятельности в условиях войны.

В годы войны разрабатывались пути повышения зрительной и слуховой чувствительности воинов, ускорения адаптации глаза к темноте, улучшения зрения ночью, выработки глазомерной оценки расстояний, повышения эффективности наблюдения и решения задач военной маскировки, проблемы восстановления функций речи и движения, утраченных после ранения, методы обучения летчиков, радистов и других военных специалистов [12], [16], [13], [21].

Военную маскировку, решение вопросов сенсибилизации чувств советские психологи вывели на высокий научный и практический уровень.

Особенно важными оказались результаты изучения ночного зрения, адаптации. Ночь облегчает маскировку, помогает скрыть от противника маневр, нанести ему внезапный удар. Вместе с тем ночью создаются трудности в ориентировке, передвижении, ведении наблюдения и прицельного огня. Приходится определять расстояние по звукам, быстро обнаруживать цели во время короткого освещения их ракетой, прожектором. Источники звука и света ночью кажутся ближе, чем днем. Неожиданность в ночном бою обычно оказывает более сильное воздействие на психику, чем днем, в силу большей неопределенности и отсутствия возможности быстро и точно ориентироваться. Учет командирами и политработниками особенностей функционирования и проявления психики воинов в ночных боях позволял более конкретно готовить личный состав и руководить им в процессе выполнения боевого приказа в условиях ночи.

С началом войны перед психологами встала задача оказать помощь медикам в восстановлении психических функций бойцов после ранения. Решали эту задачу в научном и прикладном плане такие психологи, как Б.Г. Ананьев, Э.С. Бейн, П.Я. Гальперин. С.Г. Гелерштейн. Т.И. Гиневская, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия. С.Я Рубинштейн и другие. При этом использовались представления о структуре деятельности, соотношении ее мотивов и целей, действий и операций. Обобщенно основные результаты работы психологов по восстановлению утраченных психических функций после ранения были представлены А.Н. Леонтьевым и А.В. Запорожцем в книге «Восстановление движений» (М., 1945). В предисловии к этой книге начальника Санитарного управления Советской Армии генерал-полковника медицинской службы Е.И. Смирнова отмечены заслуги психологов в восстановительной функциональной терапии. Исследование нарушения психических процессов при мозговых поражениях проводилось также группой грузинских психологов (см. [31]).

В годы минувшей войны многие командиры и политработники, не будучи раньше профессиональными психологами, очень ярко проявили себя как практические военные психологи. Например, командующий воздушной армией в годы Великой Отечественной войны генерал-полковник М.М. Громов на вопрос о том, что он предпочитает в воспитании людей, ответил: поощрение, доверие и интерес (Комсомольская правда, 1977, 2 мая). Такой ответ и искусство руководства личным составом свидетельствуют о глубоком знании поведения людей в условиях войны и боя. Во время войны им была написана интересная статья о храбрости [8]. После войны М.М. Громов написал предисловие к книге К Платонова и Л. Шварца «Очерки психологии для летчиков», в котором он подчеркнул решающую, исключительную роль человека в соотношении «человек – самолет», принимал участие в работе симпозиума по вопросам воли в Институте общей и педагогической психологии.

Разработка советскими психологами оборонной тематики, результаты практического военно-психологического познания многих командиров и политработников при выполнении боевых задач явились сильным импульсом развития военной психологии после войны. Это выразилось как в продолжении участия ряда психологов в военно-психологических исследованиях, так и в притоке новых сил – некоторые участники войны под влиянием боевого опыта стали профессиональными военными психологами.

Развитию военной психологии как в годы войны, так и после нее способствовали очень многие советские психологи. Кратко остановимся на деятельности некоторых из них.

Например, Б.Г. Ананьев кроме оборонных исследований, проведенных им в Грузии и Ленинграде в годы войны, читал в 1946-1947 гг. большой курс военной психологии для слушателей-офицеров. Этот курс был застенографирован. Стенограммами его лекций пользовались не

только слушатели, но и преподаватели и адъюнкты. В те же годы Б.Г. Ананьев разработал методику биографического исследования воинов-героев, которая впоследствии применялась для изучения героических поступков. Б.Г. Ананьев консультировал адъюнктов, участвовал в рецензировании и редактировании работ военных психологов. Его выступление на первой научной конференции по военной психологии (Ленинград, 1951) о соотношении общей и военной психологии отличалось исключительной глубиной и творческим подходом.

А.Н. Леонтьев, как уже отмечалось, в годы войны проделал большую исследовательскую работу, которая способствовала восстановлению психических функций бойцов, утраченных ими после ранения. После войны он консультировал военных психологов, рассматривая некоторые их работы, диссертации, рецензировал рукописи (в частности, Г.Д. Лукова о предмете и задачах военной психологии), помогал в составлении списков военных психологов для постановки вопроса о создании научно-исследовательского института военной психологии.

Приток новых сил в военную психологию был обусловлен тем, что опыт боевой деятельности поставил немало важных и тонких военно-психологических вопросов. Некоторые из этих вопросов и стали предметом специальных исследований участников войны после ее окончания. Так, например, М.В. Гамезо провел экспериментальное исследование процесса чтения топографической карты. В.К Гаврилюк под влиянием боевого опыта изучил мышление при решении учебных тактических задач (взвод). А.Д. Глоточкин разработал вопрос о взаимоотношениях в воинском коллективе. Ю.П. Зуев написал кандидатскую диссертацию о психологической подготовке моряков. М.П. Коробейников посвятил кандидатскую диссертацию навыкам стрельбы из автомата на ходу. Е.А. Милерян изучал проблему психологического отбора летчиков. В.В. Офицеров исследовал развитие мышления курсантов в процессе обучения их тактике. И.И. Петров исследовал психологический отбор военных специалистов. М.С. Роговин после войны опубликовал статьи о психологической напряженности в связи с применением боевой техники, о зарубежной военной психологии. В.Ф. Рубахин написал работу о дешифровании аэрофотоснимков. Д.Б. Эльконин исследовал психологические основы стрельбы. Были подготовлены диссертации по психологии боевого подвига советского воина и т.д.

На основе приведенных фактов можно сказать, что происшедшее развитие военной психологии в годы минувшей войны было продолжено как теми, кто вступил в войну, будучи специалистом-психологом, так и теми, кому боевой опыт подсказал важность научной разработки военно-психологической проблематики.

В последние десятилетия советская военная психология как отрасль советской психологической науки получила значительное развитие: ведется и расширяется ее преподавание, подготовлены учебные пособия, по многим темам проведены научные исследования, опубликовано много статей в периодической печати, совершенствуется исследовательский инструментарий. Военная психология все шире привлекается при решении вопросов боеготовности, дисциплины, профессионального отбора, овладения боевой техникой, воспитания кадров, идеологической борьбы и контрпропаганды.

Актуальной для военной психологии является разработка фундаментальных методологических трудов, включающих обобщение достижений советской психологической науки в их оборонном значении. При этом необходимо преодолевать тенденции механического использования данных различных отраслей психологии. Актуальна также задача критического анализа современной буржуазной военной психологии. Разработка фундаментальных проблем военной психологии является основой усиления ее прикладного значения. Важными вопросами дальнейших исследований являются: изучение психологической устойчивости воинов и воинских коллективов в условиях современной войны; обоснование системы формирования психологических качеств, необходимых в учебно-боевой и боевой деятельности, особенно готовности к бою; изучение особенностей взаимоотношений военнослужащих, их психологической культуры; содействие организации психологической службы в войсках и военных учебных заведениях. Необходимо расширить использование в исследовательской работе математических методов, технических устройств, ЭВМ.

Успешное решение всех этих проблем и задач еще более усилит оборонную мощь нашей страны, будет способствовать созданию предпосылок к тому, чтобы никогда больше не повторился 1941 год.

Литература

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31.

2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13.

3. *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании и воинском долге. – М., 1967.

4. *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. – М., 1965.

5. *Ананьев Б. Г.* Из оборонного опыта советской психологии. – Советская педагогика. 1943. № 2-3.

6. *Добров Г. М.* Наука о науке. Введение в общее наукознание. – Киев, 1966.

7. *Дьяченко М. И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов: Докт. дис. – М., 1969. – 630 с.

8. *Громов М. М.* Что же такое храбрость? (Вопросы военного поведения и военной психологии). – Знамя. 1941. № 6.

9. *Егоров Т. Г.* Психология. – М., 1952; 1955.

10. *Еременко А. И.* В начале войны. – М., 1964.

11. *Каиров И. А.* Мужество и его воспитание в наши дни. – Советская педагогика. 1943. № 8-9.

12. *Кекчеев К. Х.* Психофизиология маскировки и разведки. – М., 1942.

13. *Кекчеев К. Х.* Ночное зрение (как лучше видеть ночью). – М., 1942.

14. *Коновалов Н. А.* Роль эмоций в боевом действии. Воинская доблесть. – Советская педагогика. 1943. № 7.

15. *Корнилов К.* Воспитание моральных качеств (что такое воля). – Красная звезда. 1941. 28 марта, 1 и 5 апр.

16. *Кравков С. В.* Взаимодействие органов чувств. – М., 1948.

17. *Левитов Н. Д.* Воля и характер бойца. – Военный вестник. 1944. № 1.

18. *Левитов Н. Д.* Презрение к смерти рождает героев, кует победу. – Красная звезда. 1941. 30 авг.

19. *Леонтьев А. Н., Запорожец А. В.* Восстановление движений. – М., 1945.

20. *Луков Г. Д.* Психология: Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов. – М., 1960.

21. О психокортикальном восстановлении при черепно-мозговых травмах (в помощь работникам эвакогоспиталей). – Тбилиси, 1942.

22. Партийно-политическая работа в РККА. 1939. № 20.

23. Партийно-политическая работа в Красной Армии. Ч. I. – М., 1942.

24. *Платонов К. К.* Психология летного труда. – М., 1960.

25. *Прангвишвили А. С.* Социальная психология паники. – В кн.: Психология. Т.II. Тбилиси, 1943.

26. Психология / Под ред. К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова, Л.М. Шварца. – М., 1938.

27. *Рубинштейн М. М.* Рождение героя. (Психологический очерк). – Советская педагогика. 1943. № 10.

28. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – М., 1940.

29. *Рубинштейн С. Л.* Советская психология в условиях Великой Отечественной войны. – Под знаменем марксизма. 1943. № 9–10.

30. *Ситковский Е. С.* Воспитание бесстрашия и презрения к смерти. – М., 1943.

31. *Смирнов А. А.* Советские психологи – обороне Родины в годы Великой Отечественной войны. – Вопр. психол. 1975. № 2. С. 13-30. № 4. С. 124-126.

32. *Теплов Б. М.* Бунт звериного инстинкта против человеческого разума. – Советская педагогика. 1941. № 11 – 12.

33. *Теплов Б. М.* К вопросу о практическом мышлении (опыт психологического исследования мышления полководца по военно-историческим материалам). – Ученые записки МГУ. Вып. 90. М., 1945.

34. *Феофанов М. П.* Воспитание смелости и мужества. – Советская педагогика. 1941. № 10.

35. *Фортунатов Г. А.* Страх и его преодоление (проблема бесстрашия в психологии): Канд. дис. – М., 1942. 232 с.

36. *Чавдаров С. Х.* О мужестве и путях его воспитания. – Радяньска школа. 194. № 1-2.

37. Бандиты и человеконенавистники в роли ученых-психологов. – Советская педагогика. 1941. № 3.

Примечание

[1]Одной из предпосылок широкого развития советской военной психологии в те годы послужили достижения русской дореволюционной военно-психологической мысли. В России были проведены исследования и опубликованы крупные работы об управлении поведением воинов, о субъективных состояниях и переживаниях в бою, о страхе и борьбе с ним, о психологии войны, армии и толпы, о психике бойцов во время сражения и после боев, психологических основах воспитания солдата. Военная психология дореволюционной России характеризовалась гуманистической направленностью, широким обобщением военного опыта, использованием новейших достижений многих наук. Она превосходила в ряде отношений западноевропейскую военную психологию.

Поступила в редакцию 22.I 1985 г.